

Вопрос Чу Цинюня мгновенно разрушил царившее в студии оживление.

Любой мог расслышать в его тоне неприкрытое сомнение в справедливости судейства. Камера поочередно выхватывала то его лицо, то растерянную физиономию наставника, запечатлев для зрителей натянутую, застывшую улыбку последнего.

— Чу Цинюнь совсем больной? Какое ему вообще дело!

— Умора. Он всерьез спорит с профессионалом? Сам-то много понимает?

— Но ведь Тан Цзинъи правда выступил лучше. Он из династии актеров Пекинской оперы. Неужели мастер-наставник на шоу разбирается в этом лучше него?

— Какая наглость! Ставить под сомнение победу главной звезды ВД! Если Чжоу Чи хочет роль, он ее получит.

— Тошнит от этого шоу. Если продвигают только любимчиков, зачем вообще разыгрывать этот цирк с правилами?

— Чичи лучший, и точка! Не согласны — идите спорьте с наставником!

Пока чат взрывался от гневных споров, наставник в кадре наконец взял себя в руки:

— Молодой человек, вы сомневаетесь в моей компетентности? Пекинская опера — искусство многогранное, и оценивать его по какому-то одному критерию просто непрофессионально.

Ответ прозвучал веско и солидно. Чу Цинюнь удивленно приподнял брови, словно услышал нечто невероятное, и повернулся к Тан Цзинъи:

— Неужели?

В его тоне сквозила такая откровенная насмешка, что другие участники, на которых случайно падал его взгляд, поспешно отворачивались. Тан Цзинъи посмотрел на Цинюня с благодарностью, но промолчал, не решаясь ввязываться в конфликт.

— Ху Имин, — внезапно обратился Чу Цинюнь к рэперу, который никогда с ним особо не общался, но обожал строить из себя борца за правду. — Ты тоже так считаешь?

Ху Имин прекрасно понимал подоплеку происходящего. Если его собственный выбор сейчас совпадет с чьим-то еще, его ждет та же участь — его задвинут ради фаворита. К подобным кулуарным правилам все давно привыкли, но стоило Чу Цинюню выставить их на всеобщее

обозрение, как Ху Имин почувствовал себя так, словно его раздели догола посреди площади. Раньше он, возмущенный отношением Цинюня к Чжоу Чи, судил его с высоты своей мнимой праведности. Теперь же роли поменялись, и это Чу Цинюнь взирал на него сверху вниз.

Рэпер промолчал, уставившись в пол. Не дождавшись ответа, Чу Цинюнь перевел взгляд на режиссера.

— Брат, ты считаешь, что я недостойн? — подал голос Чжоу Чи. Лицо его выражало глубокую обиду. — Если у тебя есть ко мне какие-то претензии, выскажи их мне в лицо. Не нужно втягивать других.

— Ну что вы, пустяки, — благодушно улыбнулся наставник, сияя благородством истинного служителя муз. — Молодой человек далек от Пекинской оперы, откуда ему знать, что плавная техника — далеко не единственный критерий оценки. Это вполне простительно.

Чу Цинюнь хранил молчание. Режиссер отчаянно сигнализировал ему из-за камер, а Чэнь Сяоди тайком дергал за край куртки, боясь новых скандальных откровений.

— Надо же. Действительно, куда уж мне понимать, — наконец насмешливо хмыкнул Чу Цинюнь.

Присутствующие — включая самого Тан Цзинъи — дружно выдохнули. Напряжение спало, и шоу покатилося по привычным рельсам. Режиссер поспешил объявить претендентов на следующий костюм.

За эти несколько минут зрительский чат успел переругаться до хрипоты, и дискуссия быстро выплеснулась за пределы трансляции. В отличие от запертых в съемочном павильоне участников, интернет-пользователи имели доступ к любой информации. Да и Пекинская опера не была тайным знанием, доступным лишь наставнику шоу. К спорам быстро подключились студенты театральных и музыкальных вузов.

— Как профессионал заявляю: этот эксперт несет полную чушь. Разговоры про «душу» вместо отточенной базы — лапша на уши для дураков.

— Ну конечно, все вокруг дураки, один Чу Цинюнь у нас гений.

— Чу Цинюнь как раз самый глупый. Все видят, что шоу продвигает фаворитов, но только он полезен на рожон. И кто тут идиот после этого?

— Я запутался. Так кто из них выступил лучше? Организаторы действительно подсуживают Чжоу Чи?

— Разве Чжоу Чи не позиционировал себя как честный и благородный артист? Буквально на

днях распиался про равные условия и уважение к соперникам, а на деле — обычный блат...

— У Чичи есть талант и харизма! Если вам кажется, что все куплено — идите жалуйтесь в полицию!

— Откуда в чате столько хейтеров? Вы правда считаете себя умнее приглашенного наставника? Так сложно признать чужое превосходство?

— Терпеть не могу Чу Цинюня. Он просто исходит завистью, потому что Чжоу Чи во всем его превосходит!

Скандал, раздутый Чу Цинюнем, и не думал утихать. Напротив, он разрастался со скоростью лесного пожара. Спустя полчаса хэштег #Несправедливость Чжоу Чи# ворвался в тренды Вэйбо. Участие в инциденте Тан Цзинъи, родного внука прославленного мастера Тана, привлекло к теме внимание маститых деятелей традиционного искусства.

В сети появилось сравнительное видео: блогеры смонтировали их проходки «шагом по облакам» и финальные позы. На контрасте с выверенной пластикой Тан Цзинъи сутулость и угловатость движений Чжоу Чи стали очевидны даже дилетантам. Профессиональное сообщество и рядовые зрители обрушились на Чжоу Чи и его наставника с жесткой критикой, обвиняя их в кумовстве, травле наследника великой династии, обмане аудитории и глумлении над национальным наследием.

Фандому Чжоу Чи тоже было не занимать рвения. Пользуясь отработанными схемами влияния, они принялись методично зачищать поисковую ленту, заваливая ее отретушированными портретами своего кумира. В комментариях у критиков они наперебой размещали опровержения, а личные сообщения Чжао И и руководства компании забросали гневными требованиями немедленно удалить порочащие их любимца хэштеги.

Численное превосходство фандома в итоге принесло свои плоды: фанаты замяли скандал, а самые рьяные из них даже ворвались в официальные сообщества оперных трупп с издевательскими комментариями, празднуя победу в своих закрытых чатах.

Однако безупречный образ Чжоу Чи дал ощутимую трещину, и в честность проекта верилось все меньшему числу зрителей.

\*\*\*

Тем временем в павильоне режиссер продолжал оглашать результаты. Чэнь Сяоди и Шао Жань получили именно те костюмы, на которые рассчитывали. Невостребованными остались лишь несколько специфических нарядов. Неизвестным оставался только выбор одного человека.

— Участник Чу Цинюнь забирает костюм под номером восемь — шелковое ципао «Пион».

Выбор оказался неожиданным — женское платье!

Восьмой лот относился к пятой группе костюмов из культовой военной драмы «Кровавая луна», вышедшей на экраны несколько лет назад. Сюжет фильма разворачивался вокруг женщины-подпольщицы, внедрившейся в окружение влиятельного милитариста под видом его наложницы. Выбрав этот образ, Чу Цинюнь добровольно соглашался на роль «младшей жены», подчиненной главной героине.

Большинство актеров-мужчин питали предрассудки против женских ролей и категорически не желали играть у женщин в подчинении. Увидев, что Чу Цинюнь забрал этот неоднозначный лот, остальные вздохнули с облегчением.

Хэ Юэ, которая уже ждала в гримерке своей группы, пришла в восторг, узнав, с кем ей предстоит работать. Она радостно замахала рукой:

— Сюда, скорее!

Чу Цинюнь подошел к ней и остановился возле вешалки со своим платьем.

Третьим костюмом по фильму «Кровавая луна» было темно-красное ципао «Пионовидная роза» — наряд пятой наложницы маршала, близкой подруги главной героини. В первом раунде этот наряд проигнорировали, а во втором его пришлось взять Сун Сюйяну, которому не достался желанный камзол в стиле рококо. Выглядел он при этом крайне удрученным.

— Теперь мы в одной команде, — улыбнулась Хэ Юэ, искренне радуясь появлению Чу Цинюня.  
— Надеюсь на отличное сотрудничество!

— Присоединяюсь, — уныло буркнул Сун Сюйян.

— Где сценарий? — спросил Чу Цинюнь, осматривая гримерную, стилизованную под эпоху Китайской Республики. На одном из столиков перед тройным зеркалом, обрамленным матовыми лампочками, действительно лежали распечатки.

— Ты не смотрел «Кровавую луну»? — удивилась Хэ Юэ. — Я думала, ты выбрал этот наряд из любви к фильму.

— Именно ради роли, — подтвердил Чу Цинюнь, не вдаваясь в подробности.

— У него память девичья, посмотрит и тут же забудет, — вставил свои пять копеек Сун Сюйян, злорадно ухмыляясь. Было видно, что чужие трудности его подбадривают. — Мы с тобой играем наложниц. Я — послушная «пятая госпожа», подаренная маршалу какими-то дельцами, а ты — строптивая «шестая госпожа», которую притащили в усадьбу силой. Твой персонаж куда сложнее моего.

Чу Цинюнь тем временем быстро пробежал глазами текст:

— Это комедия?

— Сначала весело, но финал трагический, — пояснила Хэ Юэ, с тревогой наблюдая за его реакцией. — Маршал в итоге проникается идеями героини, но в самом конце они оба погибают. Справишься с такой драмой?

— Безусловно, — Чу Цинюнь отложил сценарий, удивленный ее сомнениями. — Роль глубокая, драматичная. — Он улыбнулся. — Выбор определенно удачный.

— Я рада, — Хэ Юэ заметно приободрилась. — Когда я впервые увидела это платье, сразу подумала, что оно создано для тебя.

— Итак, команды сформированы, — объявил режиссер, давая участникам немного времени на знакомство. — Чтобы вы быстрее вжились в образы, гримироваться вы будете прямо здесь, под прицелом камер. Сразу после этого мы проведем фотосессию в костюмах. Полученные кадры станут обложками ваших персональных трансляций на всю следующую неделю.

Перевоплощение в прямом эфире! На целую неделю!

Под всеобщие стоны и жалобы в гримерных появились улыбчивые визажисты. Не обращая внимания на вялое сопротивление, они принялись усаживать несчастных актеров в кресла, готовя их к неизбежному.

<http://bllate.org/book/20480/2161844>